

АКТУАЛЬНЫЕ ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 94

DOI 10.12737/13640

«Хлебный бунт» в феврале 1917 года как прообраз «цветной революции»

Каптарь Дионис Леонидович

Писатель, публицист

E-mail: murabl@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос о субъективных причинах Февральской революции 1917 г. Насколько обоснован взгляд, согласно которому свержение монархии произошло по причине резкого ухудшения экономического положения страны и падения уровня жизни населения? Чтобы ответить на этот вопрос, автор для сравнения выбирает реалии советской России и СССР, показывая, что основные обвинения, предъявляемые «старому порядку», в полной мере относятся и к советской власти. Более того, масштаб проблем, с которыми столкнулся СССР, значительно превосходил трудности, имевшие место в царской России. Однако в Советском Союзе режим Ленина, а затем и Сталина не был свергнут. Этот факт заставляет усомниться в правильности представлений о том, что революция в 1917 г. объясняется объективными предпосылками, «рабочим» и «крестьянским» вопросом, поражениями на фронтах Первой мировой войны и перебоями со снабжением столицы продовольствием.

Автор анализирует действия ряда представителей властвующей элиты государства во время февральского кризиса и приходит к выводу, что перебои со снабжением Петрограда хлебом вызваны субъективными причинами и являются проявлением саботажа со стороны лиц, готовивших революцию. Таким образом, автор придерживается элитаристской социологической концепции, согласно которой элита, а не широкие народные массы являются основным субъектом исторического развития.

Современные события в мире, связанные с цепью так называемых «цветных революций», придает статье актуальность, поскольку технология свержения монархии в России во многом похожа на методы, которые применялись во время «цветных революций» в наши дни.

Ключевые слова: монархия, Первая мировая война, Февральская революция, хлебный бунт, царь Николай, цветная революция.

«Bread Riots» in February 1917 As a Prototype of a «Color Revolution»

Kaptar' Dionis Leonidovich

Writer, publicist

E-mail: murabl@yandex.ru

The paper considers the subjective causes of the February revolution of 1917. How reasonable is the point of view, that the overthrow of the monarchy has been the result of a severe deterioration in the economic situation of the country and falling living standards?

To answer this question, the author selects for comparison realities of Soviet Russia and the USSR, showing that the main charges brought against the «old order» can be brought against the Soviet regime either. Moreover, the scale of problems faced by the USSR, significantly surpasses those faced by the tsarist Russia. However, in the days of the Soviet Union, neither the Lenin's nor the Stalin's regimes had been thrown down. This fact casts doubt on the correctness of the ideas, that the 1917 Revolution can be explained by objective reasons, including the so-called worker and peasant issues, and military defeats Russia was suffering in the First world war, and the poor supply of food to the capital.

The author analyzes the actions of some members of the power elite of the state during the February crisis, and concludes that disruptions in the bread supply of Petrograd have been caused by some subjective reasons and are the sabotage acts on part of those who had prepared the revolution. Thus the author shares the elitist sociological concept, according to which it is the elite, rather than the masses, is the main subject of historical development.

Current world events related to the chain of the so-called «color revolutions» gives the article the urgency, as the technology of the overthrow of the monarchy in Russia is similar to the methods that were used during the «color revolutions» nowadays.

Keywords: the February Revolution, monarchy, World War I, tsar Nicholas.

Классические рассуждения о причинах Февральской революции сводятся к нехитрой схеме: царизм зашел в тупик, а доведенные до отчаяния массы (рабочие, крестьяне, солдаты) подняли восстание. Тогда для спасения страны группа генералов отправилась к государю, чтобы разъяснить ему всю тяжесть сложившегося положения. В результате Николай принял решение отречься от престола. Однако факты четко показывают, сколь наивна эта расхожая версия.

Бывший начальник Московского охранного отделения давно обнаруживал сведения исключительной важности, и по ним видно, какие отношения к революции имело «стихийное восстание недовольных масс»:

«Я только что затронул вопрос большой важности: недостаточной осведомленности нашего центрального руководственного аппарата по политическому розыску, т.е. Департамента полиции, по отношению к подготовке лидерами Прогрессивного блока так называемого дворцового переворота. Слухи об этой затее, конечно, ходили, и кто тогда, в 1916 г., их не слышал? Но конкретно на чем они основывались?»

В 1916 г., примерно в октябре или ноябре, в так называемом черном кабинете московского почтамта было перлюстрировано письмо, отправленное на условный адрес одного из местных общественных деятелей (фамилию забыл), и копии письма, согласно заведенному порядку, получили Департамент полиции и я.

Письмо — без подписи — по своему содержанию было совершенно исключительным. Оно вызвало во мне одновременно тревогу и решение обследовать его лично, установив предварительно контакт с директором Департамента полиции, чтобы обсудить дальнейшие действия. Содержание письма я немедленно сообщил градоначальнику.

К глубочайшему сожалению, я не могу по памяти воспроизвести точное содержание письма, но смысл заключался в следующем: сообщалось для сведения московским лидерам Прогрессивного блока (или связанным с ним), что удалось окончательно уговорить Старика, который долго не соглашался, опасаясь большого пролития крови, но, наконец, под влиянием наших доводов сдался и обещал полное содействие...

Письмо, не очень длинное, содержало фразы, из которых довольно явственно выступали уже тогда активные шаги, предпринятые узким кругом лидеров Прогрессивного блока в смысле личных переговоров с командующими нашими армиями на фронте, включая и Великого князя Николая Николаевича.

В эмигрантской литературе, насколько я помню — в «Современных записках», появились статьи, довольно откровенно разъясняющие содержание этих «личных переговоров», по крайней мере, с Великим князем Николаем Николаевичем; с ним вел переговоры известный Хатисов.

Казалось бы, что российское императорское правительство уже по одним этим фактам могло и должно было быть в полном курсе заговора. Но Великий князь «промолчал», а Департамент полиции, по-видимому, не смог довести до сведения Государя об измене «Старика», который был не кем иным, как начальником штаба самого Императора, генералом Алексеевым! Многое после революции 1917 г. было вскрыто, многое выплыло наружу, но предательская роль генерала Алексева, благодаря молчаливому соглашательству его сподвижников по Добровольческой армии и соучастников по предательству, до сих пор, насколько я знаю, не освещена с достойной ясностью и полнотой.

Между тем для будущих историков нашей революции и «дворцового переворота» необходимо знать

о предательской роли главного сподвижника Государя на фронте, поцеловавшего иудиним лобзанием перед отъездом Императора к заболевшим детям и знавшего хорошо, что ожидает его на станции Дно...

О том, что кличка «Старик» относится именно к генералу Алексееву, мне сказал директор Департамента полиции А.Т. Васильев, к которому для личных переговоров по поводу этого письма я медленно выехал из Москвы» [1, с. 384, 385].

До сих пор рассказывают о страданиях армии на фронтах, о нерешенном земельном вопросе в тылу и т.д. Эти «факты» называют предпосылками революции. Но очевидно, что понятия «много» и «мало» относительные. Мало земли по сравнению с кем? Если у нашего крестьянина было мало земли, то логично было бы сравнить размеры земельных наделов в России с тем, чем владели крестьяне Англии, Франции или Германии. А вы когда-нибудь видели такое сравнение?

Например, возьмем тяготы на фронте. Вы часто встречали в литературе сравнение между продуктовым обеспечением русского солдата и его европейского коллеги? Известна ли вам тяжесть мобилизационной нагрузки (доля призванных на фронт от всего населения) в России и в других странах, воевавших в Первой мировой? В эмоциональных рассказах о страданиях народа до революции нет недостатка, а сравнительных цифр практически нет. Между тем воздействие на чувства, нечеткость формулировок, подмена конкретики общими словами — типичные признаки манипуляции.

Можно было бы провести сравнительный анализ и, перелопатив горы литературы, убедиться в фактической ошибочности всех этих обвинений по адресу «царизма», но есть более эффективный способ.

Начнем с тезиса о фронтовых тяготах. Во время революции действительно поднялся гарнизон в Петрограде. Но Петроград в то время — это глубокий тыл. Солдаты — участники Февраля, отнюдь не «гнили в окопах», не погибали и не голодали. Они сидели в теплых столичных казармах, за сотни километров от свиста пуль и взрыва снарядов. А те, кто в это время держал фронт, в абсолютном своем большинстве, честно исполняли свой долг. Им было намного тяжелее, чем петроградским тыловикам, но они готовились к решающему весеннему наступлению и ни в каких мятежах не участвовали. Более того, в январе 1917 г., т.е. буквально накануне революции, наша армия провела Митавскую операцию против германских войск и добилась победы.

Говорят, что крестьяне мучились от нехватки земли, иными словами, они жили впроголодь, и

мол, это стало одной из веских причин революции. Вообще-то, в СССР в 30-х гг. миллионы людей умерли от голодной смерти, но не то, что революции, а мало-мальски опасного для власти бунта не произошло, а уж сравнивать реалии блокадного Ленинграда и Петрограда 1917 г. совсем уж нелепо.

Здесь уместно процитировать мемуары генерала Курлова, который оставил весьма характерное описание февральских событий:

«...вернувшись домой, я послал А.Д. Протопопову письмо, в котором говорил ему, что одни полицейские меры, при настоящем положении вещей, не помогут, и умолял убедить генерала Хабалова приказать всем военным хлебопекарням выпечь в эту ночь из запасов интендантства как можно больше хлеба и утром пустить его в народ. Не знаю, какая участь постигла это письмо.

Я дал такой совет не потому, что я находил, что причиной возникших в эти дни в Петрограде народных волнений был недостаток хлеба. Мне прекрасно было известно, что хлебный паек составлял 2 фунта, что также выдавались и остальные съестные продукты, и что наличных запасов хватило бы на 22 дня, если даже допустить, что за это время к столице не будет подан ни один вагон с продовольствием. Требование «хлеба!» был пущенный в народные массы революционный лозунг. Его инициаторы хорошо понимали, что на этой почве массы всему поверят и всякое словесное возражение со стороны правительства никакого впечатления на народ не произведет. Ведь не поверили же объявлению генерала Хабалова, что хлеба в Петрограде имеется в достаточном количестве! Левые газеты усердно вышучивали это объявление. Вот почему я находил необходимым противопоставить слухам бьющие в глаза факты.

Тем не менее все соединились в усилиях дискредитировать Императорскую власть, не останавливаясь перед клеветой и ложью. Все забыли, что государственный переворот во время мировой войны — неизбежная гибель России» [2, с. 14, 15].

«Но можно ли верить единичному свидетельству?», — скажет недоверчивый читатель, и будет по-своему прав. Поэтому я процитирую начальника Московского охранного отделения П.П. Заварзина, в мемуарах которого есть описание реалий жизни Петрограда накануне Февраля.

«В Петрограде с внешней стороны казалось, что столица живет обычно: магазины открыты, товаров много, движение по улицам бойкое, и рядовой обыватель замечает только, что хлеб выдают по карточкам

и в уменьшенном количестве, но зато макарон и круп можно достать сколько угодно» [3, с. 235, 236].

Вдумайтесь в эти строки. Два с половиной года шла невиданная в истории мировая война. В таких условиях резкое падение уровня жизни — совершенно естественная вещь. Жесточайшая экономия всего и вся, огромные очереди за элементарными продуктами, голодные смерти — совершенно обычные спутники тяжелейшей войны. Это прекрасно известно по истории Великой Отечественной. Но посмотрите, как успешно царская Россия справляется с трудностями. Это феноменальный результат, едва ли ни беспрецедентный; какие резоны у масс восставать в таких условиях?

«В целом хлебный ресурс Российской империи к весне 1917 г. составил около 3793 млн пудов хлеба при общей потребности страны в 3227 млн пудов», — отмечает современный историк М.В. Оськин [4, с. 62].

Но и это не главное. Люди, непосредственно свергавшие Николая II, принадлежали к высшей военной элите империи. Генерал М.В. Алексеев, командующие фронтами, Великий князь — это им не хватало земли? Это им приходилось голодать или стоять в долгих очередях? При чем здесь народные «тяготы»? Пикантность ситуации заключается еще и в том, что сами по себе волнения в Петрограде прямой угрозы для царя не представляли, потому что Николая в это время не было в столице. Он уехал в Могилев, т.е. в Ставку Верховного Главнокомандующего. Отсутствием царя в столице решили воспользоваться революционеры.

В связи с этим считаю необходимым предоставить слово человеку, который в те годы был начальником Петроградского охранного отделения, генералу К.И. Глобачеву:

«Тогда революционный центр решил взять силой то, что при иных обстоятельствах получил бы в порядке Монаршей милости, на что он не рассчитывал. Руководители великолепно учитывали обстановку. Русская армия твердо стояла на занятых позициях уже почти год, а на юге, в Буковине, даже переходила в наступление. Все это время страна напрягала все усилия для снабжения армии и в этом отношении, действительно, превзошла сама себя, сделав такие заготовки, которых бы хватило еще на долгие годы самой ожесточенной войны. Армия была укомплектована и увеличена в своем составе. Все было подготовлено к переходу в общее наступление весной 1917 г. по плану, выработанному союзным командованием. Центральные державы должны были быть разгромлены в этом году. Таким образом, для рево-

люционного переворота в России имелся 1 месяц срока, т.е. до 1 апреля.

Дальнейшее промедление срывало революцию, ибо начались бы военные успехи, а вместе с сим ускользнула бы благоприятная почва. Вот почему после отъезда Государя в Ставку решено было воспользоваться первым же подходящим поводом для того, чтобы вызвать восстание. Я не скажу, чтобы был разработан план переворота во всех подробностях, но главные этапы и персонажи были намечены. Игра велась очень тонко. Военные и придворные круги чувствовали надвигающиеся события, но представляли себе их как простой дворцовый переворот в пользу великого князя Михаила Александровича с объявлением конституционной монархии. В этом были убеждены даже такие люди, как Милюков, лидер партии конституционных демократов. В этой иллюзии пребывала даже большая часть членов прогрессивного блока.

Но по-другому думали более крайние элементы с Керенским во главе. После монархии Россию они представляли себе только демократической республикой. Ни те, ни другие не могли даже себе представить, во что все выльется. Были, правда, пророки и в то время, которые знали, что такие потрясения приведут к общему развалу и анархии, но их никто не хотел и слушать, считая их врагами народа. Таковыми были единственные живые органы, как Департамент полиции, Охранное отделение, жандармские управления и некоторые из дальновидных истинно русских людей, знавшие, с чем придется считаться впоследствии, чего будет стоить России разрушение тысячелетней монархии.

23 февраля началась частичная экономическая забастовка на некоторых фабриках и заводах Выборгской стороны Петрограда, а 24-го забастовка разрослась присоединением Путиловского завода и промышленных предприятий Нарвской части. В общем, забастовало до 200 тысяч рабочих. Такие забастовки бывали и раньше и не могли предвещать чего-либо опасного и на этот раз. Но через ЦВПК в рабочие массы были брошены политические лозунги и был пущен слух о надвигающемся якобы голоде и отсутствии хлеба в столице. Нужно сказать, что в Петрограде с некоторого времени при булочных и хлебопекарнях появились очереди за покупкой хлеба. Это явление произошло не потому, что хлеба в действительности не было или его было недостаточно, а потому, что, благодаря чрезмерно увеличившемуся населению Петрограда, с одной стороны, и призыву очередного возраста хлебопеков — с другой, не хватало очагов для выпечки достаточного коли-

чества хлеба. К тому же, как раз в это время, для урегулирования раздачи хлеба продовольственная комиссия решила перейти на карточную систему. **Запас муки для продовольствия Петрограда был достаточный** (выделено мною. — Д.К.), и кроме того ежедневно в Петроград доставлялось **достаточное количество вагонов с мукой** (выделено мною. — Д.К.). Таким образом, слухи о надвигающемся голоде и отсутствии хлеба были провокационными — с целью вызвать крупные волнения и беспорядки, что в действительности и удалось. Забастовавшие рабочие стали двигаться шумными толпами к центру города, требуя хлеба» [5].

Массы — инструмент в руках элиты, а создание на ровном месте «продовольственного психоза» — один из классических приемов манипуляции толпой. Современные «оранжевые события» и «арабская весна» четко показали, чего стоят все эти разговоры о народных революциях. Грош им цена в базарный день. Причины свержения власти надо искать не в народе, ибо не массы делают историю. Надо посмотреть, что происходило внутри элиты, какова была международная обстановка. Внутриэлитный конфликт при широком участии иностранных государств и есть реальная причина Февраля.

Конечно, можно упрекнуть Николая в том, что именно он назначил ненадежных людей на высшие государственные посты. Однако по этой же логике точно такое же обвинение надо предъявить и германскому монарху Вильгельму II, которого во время Первой мировой отстранила от власти верхушка.

Кстати, в ходе Февральской революции всплыл весьма красноречивый факт. Среди восставших частей оказались два пулеметных полка, так вот, в их распоряжении находилось две с половиной тысячи пулеметов [6, с. 15]. Для сравнения: во всей русской армии в конце 1916 г. было двенадцать тысяч пулеметов, а за весь 1915 г. вся отечественная промышленность произвела их 4,25 тыс. штук. Вдумайтесь в эти цифры. На фронте идут тяжелые бои, причем надо признать, что слабым местом России было как раз обеспечение армии пулеметами, их, действительно, не хватало. И вот в это время в глубоком тылу совершенно без дела хранилось гигантское число пулеметов, жизненно необходимых армии. Кто же так «гениально» распределил пулеметы? Такие приказы могли отдать только генералы, руководители армии. С военной точки зрения это абсурд, так для чего же это было сделано? Ответ очевиден. Пулеметы были нужны для революции. То есть мятежные генералы совершили двойное преступление. Мало того, что они выступили против

законной власти, так они ради своих революционных целей еще и резко ослабили собственную армию, направив тысячи пулеметов в тыл, в столицу.

В результате свержение царя было куплено большой кровью солдат и офицеров. Они честно воевали в это время на фронте, им бы немало помогала пулеметная поддержка, которую могли бы оказать пулеметные тыловые части, но они придерживались совсем для других целей.

Многие годы Николай находился под давлением внутренней оппозиции, но повлиять на царя пытались и представители иностранных государств.

Незадолго до Февральской революции Джордж Бьюкенен встретился с председателем Думы М.В. Родзянко. Бьюкенен прозондировал почву на тему политических уступок, которые хотят добиться от царя парламентарии. Выяснилось, что речь идет о так называемом ответственном правительстве, ответственном перед «народом», т.е. перед Думой. Де-факто это означало бы превращение монархической России в парламентскую республику.

Так вот, Бьюкенену хватило наглости после этого прийти к Николаю и поучать государя, как ему следует руководить страной и кого назначать на ключевые должности. Бьюкенен выступал как явный лоббист революционеров, лихорадочно готовивших в это время свержение царя. При этом сам Бьюкенен понимал, что его действия являются грубейшим нарушением правил поведения иностранного представителя. Тем не менее в беседе с Николаем он буквально угрожал царю революцией и катастрофой. Разумеется, все это подавалось в дипломатичной упаковке, под видом заботы о царе и будущем России, но намеки Бьюкенена были совершенно прозрачны и однозначны.

Николай II не согласился на уступки, и тогда оппозиционеры попытались зайти с другой стороны. В начале 1917 г. в Петроград на союзническую конференцию прибыли представители Антанты, чтобы обсудить дальнейшие военные планы. Руководителем британской делегации был лорд А. Милнер, и к нему обратился видный кадетский деятель П.Б. Струве. Он написал лорду два письма, в котором, по сути, повторил то, что сказал Родзянко Бьюкенену. Струве передал письма Милнеру через офицера британской разведки С. Хора. В свою очередь, Милнер не остался глух к рассуждениям Струве и направил Николаю конфиденциальный меморандум, в котором очень осторожно и куда более вежливо, чем Бьюкенен, постарался поддержать требования оппозиции. В меморандуме Милнер дал высокую оценку деятельности российских общественных организаций (Земский

союз и Союз городов) и намекнул на необходимость предоставить крупные посты людям, которые ранее занимались частными делами и не имели опыта государственной деятельности [7, с. 252]!

Разумеется, царь проигнорировал столь нелепые советы, и оппозиция вновь осталась ни с чем. Но прессинг не прекратился. Уже буквально накануне Февраля генерал И.В. Гурко, исполнявший обязанности начальника Генерального штаба, встретился с Николаем в Царском селе и высказался за проведение конституционных реформ. Стало окончательно ясно, что идеи коренного преобразования государственного устройства проникли в среду высшего офицерства. Теперь ситуация начала стремительно выходить из-под контроля. Думские ораторы и всевозможные общественники могли говорить о чем угодно, сами по себе они были бессильны свергнуть законную власть. Но когда царь получил «черную метку» сначала от английских дипломатов, а потом уже и от Гурко, его трон зашатался всерьез.

В феврале 1917 г. в Ставку из отпуска возвращается М.В. Алексеев, вскоре туда прибывает и Николай II. Далее события приобретают стремительный ход: 23 февраля начинается забастовка рабочих Петрограда, 24 февраля митинги перерастают в столкновения с полицией, 25 февраля на фоне роста забастовочного движения выходит из-под контроля казачья сотня, которая отказывается содействовать полиции на Знаменской площади, 27 февраля бунтуют солдаты в лейб-гвардии Волынском и Литовском полках, вскоре мятеж охватывает и другие части Петроградского гарнизона. 2 марта от власти окончательно отстраняется царь Николай.

Свержение строя состояло из двух параллельно развивающихся фаз. Высший генералитет должен был фактически арестовать царя, а в Петрограде организовывались «народные выступления» с целью закамуфлировать военный переворот. Впоследствии А.И. Гучков открыто признавался, что заранее разработанный план дворцового переворота состоял из двух операций. Предполагалось остановить поезд царя во время его движения между Царским селом и Ставкой, а потом заставить Николая отречься от престола. В это же время части Петроградского гарнизона должны были осуществить военную демонстрацию.

Нечто подобное и произошло в реальности. Конечно, есть и отличия, ведь даже тщательно продуманные планы обычно идут не совсем так, как ожидалось. Но основные элементы сценария, о котором говорил Гучков, налицо.

Понятно, что перевороты осуществляют силовики, а в случае бунтов опять же силовики должны давать отпор мятежникам. Посмотрим, как они повели себя в дни Февральской революции. Список людей, чьи действия мы обязаны проанализировать, совсем небольшой. Это военный министр М.А. Беляев, морской министр И.К. Григорович (с учетом того, что Петроград — портовый город, его должность имела большое значение), министр внутренних дел А.Д. Протопопов и несколько высших генералов, армейских высокопоставленных начальников.

И.К. Григорович во время Февраля «заболел» и активных действий по защите законной власти не предпринимал. Напротив, именно по его требованию последние части, сохранявшие верность монархии, были выведены из Адмиралтейства, где они пытались закрепиться.

27 февраля, когда забунтовали Волынский и Литовский полки, правительство хотя и существовало, но, по сути, ничего не делало. Правда, Совет министров все-таки собрался в 16:00 в Мариинском дворце. На этом знаменательном заседании решали вопрос об отставке Протопопова, а поскольку у министров не было полномочий сместить его с должности, то ему предложили сказать больным и тем самым отойти от дел. Протопопов согласился, а вскоре добровольно сдался революционерам.

Произошло это до объявления об отречении царя, т.е. Протопопов не сопротивляется мятежу, не пытается хотя бы сбежать, а просто слагает с себя полномочия. Впоследствии на допросе он утверждал, что ушел с поста министра еще раньше, 25 февраля. Очень может быть, что это правда.

В ночь на 28 февраля правительство окончательно перестало делать вид, что оно функционирует, и прекратило какую-либо работу.

Поведение военного министра М.А. Беляева было сходно с действиями Протопопова. 27 февраля Беляев принял участие в совещании у Председателя совета министров, потом переместился в здание Адмиралтейства. 28 февраля войска, защищавшие Адмиралтейство, покинули его, и военный министр отправился к себе на квартиру. Там переночевал и 1 марта пришел в Генеральный штаб, откуда позвонил в Думу с просьбой принять меры по защите его квартиры! В ответ ему посоветовали поехать в Петропавловскую крепость, где его защитят надежнее всего. Видимо, это был такой черный юмор. Тогда Беляев пришел в Думу, и вскоре его арестовали. Вот и все действия военного министра в решающие дни Февраля.

Что это? Паралич воли, трусость, глупость, несоответствие служебному положению? Вряд ли. Это

как раз не глупость, а измена. Ключевые силовики просто отказались встать на защиту государства.

А что же царь? Что он делал в эти дни? Перенесемся в Ставку, куда Николай прибыл из Царского села 23 февраля. Интересно, что по пути следования поезда царя приветливо встречали местные жители. В Ржеве, Вязьме, Смоленске народ снимал шапки, кричал «ура», кланялся. Поначалу распорядок работы царя в Ставке ничем не отличался от обычного. Об этом мы можем судить по воспоминаниям генерала П.Н. Дубенского, который находился рядом с Николаем в те дни.

25 февраля в Ставку стали поступать сведения о беспорядках в Петрограде. Отметим, что кабинет Николая был соединен телефонным проводом с Царским селом, и царь имел свой собственный канал для получения информации. Более того, телефонная связь была и с Петроградом. С учетом этого факта как-то странно выглядят постоянно встречающиеся в литературе указания на то, что в Ставку шли телеграммы, причем по важнейшим вопросам. Например, пишут, что М.В. Родзянко направил царю телеграмму с просьбой назначить «ответственное правительство». Почему не позвонил Николаю? Дальше — больше. П.Н. Дубенский утверждает, что в ответ на просьбу М.В. Родзянко царь будто бы через М.В. Алексева дал согласие на создание такого правительства. Причем ответ Николая М.В. Алексеев передавал по телефону. Но глава государства — не генерал Алексеев, а царь Николай II, и такие важнейшие вещи, как назначение нового правительства не сообщают через начальника штаба. Поэтому данное свидетельство П.Н. Дубенского историки считают ошибочным.

Однако есть другая странность, которая обычно не оспаривается. Такой крупный исследователь Февральской революции, как Георгий Катков пишет, что царь в Ставке получал телеграммы от своей жены Александры Федоровны. То есть, несмотря на прямой провод, ведущий в кабинет Николая, несмотря на постоянные разговоры со своим мужем по телефону, царица почему-то посылала телеграммы. Возникает вопрос: действительно ли эти телеграммы принадлежали царице? А может быть, Николая уже изолировали от телефона в Ставке, и тогда Александра Федоровна, отчаявшись связаться по телефону с Николаем, решила отправить телеграммы?

27 февраля Алексеву позвонил Великий князь Михаил и предложил себя в качестве регента. Но разве Николай уже низложен? Официально считается, что нет, однако в этом случае поведение Михаила, мягко говоря, странно. Судя по всему,

уже 27 февраля царь был под «присмотром», и об этом сообщили Михаилу. Однако рано утром 28 февраля Николай каким-то образом выскользнул из-под контроля и на поезде поехал в Царское село.

Поначалу рядовые начальники станций, местная власть, полиция не останавливают царя, закономерно считая, что едет глава государства. Мало ли что там, в Петрограде, творится, а здесь — царь, и его надо пропустить. К тому же мало кто в провинции знал о мятеже в столице. Планы заговорщиков оказались явно нарушены. Однако в это же время, 28 февраля, комиссар Временного комитета Государственной Думы А.А. Бубликов погрузил в грузовики солдат, сам сел в автомобиль и направился в Министерство путей сообщения. Надо сказать, что в Министерстве находился центр управления телеграфной сетью, связанной со станциями всей страны. Именно захват сети, захват этого интернета столетней давности и было целью Бубликова. По сети можно было оповестить всю страну о смене власти, а также узнать, где находится в это время царь. В тот момент февраллисты об этом не знали! Но как только Министерство путей сообщения оказалось в руках мятежников, Бубликов получил возможность отслеживать движение царского поезда. Сотрудники станции в Бологом телеграфировали Бубликову, что Николай движется по направлению на Псков. По телеграфу пошли приказания Бубликова: не пускать царя севернее линии Бологое — Псков, разбирать рельсы и стрелки, заблокировать все военные поезда ближе 250 верст от Петрограда. Бубликов боялся, что царь мобилизует верные ему части. И все-таки поезд двигался. В Старой Руссе народ приветствовал царя, многие были рады увидеть монарха хотя бы через окно его вагона, и вновь станционная полиция не решилась препятствовать Николаю.

А.А. Бубликов получает сообщение со станции Дно (245 км от Петрограда): выполнить его приказ не представляется возможным, местная полиция — за царя. 1 марта Николай достиг Пскова, на платформе его встретил губернатор, вскоре туда приехал командующий Северным фронтом Н.В. Рузский. Казалось, в распоряжении царя оказались огромные военные силы целого фронта. Но Рузский был февралистом и не собирался отстаивать законную власть. Он начал переговоры с Николаем о назначении «ответственного правительства». 2 марта в Псков прибыли два представителя Думы — В.В. Шульгин и А.И. Гучков, потребовавшие от царя отказаться от престола. Официальная версия событий гласит, что 2 марта Николай подписал Манифест об отречении от престола. О том, что происходило 1–2

марта, написано немало, но сведения противоречат друг другу. В мемуарах и других свидетельствах, которые оставили после себя многие участники тех событий, видны противоречивые попытки самооправдания.

В результате до сих пор невозможно точно установить ни детали отречения, ни истинную роль в мятеже ряда деятелей того времени. Более того, в наши дни сам факт отречения оспаривается некоторыми исследователями. Для этого есть серьезные основания,

разбор которых выходит за рамки статьи, но один красноречивый факт я все-таки считаю необходимым сообщить. Отрекшись от престола и уйдя с поста Верховного Главнокомандующего, царь поехал в Ставку и 4 марта принимал рутинный доклад Алексева о положении на фронтах. В качестве кого свергнутый Николай принимает доклады? Почему Алексеев считает необходимым отчитываться перед низложенным монархом, который уже не был Верховным Главнокомандующим? Эти вопросы еще ждут ответа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Перегудова З.И.* Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска. В 2-х т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 512 с.
2. *Курлов П.Г.* Гибель императорской России. М.: Захаров, 2002. 301 с.
3. *Заварзин П.П.* Жандармы и революционеры. Париж: Издание автора, 1930. 256 с.
4. *Оськин М.В.* Продовольственная политика России накануне Февраля 1917 года: поиск выхода из кризиса // *Российская история*. 2011. № 3. С. 53–66.
5. *Глобачев К.И.* Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / под ред. З.И. Перегудовой. М.: РОССПЭН, 2009. 519 с.
6. *Чернышев Ю.В.* Гибель царского Петрограда: Февральская революция глазами градоначальника А.П. Балка // *Русское прошлое*. Л.: Свелен, 1991. С. 7–19.
7. *Катков Г.М.* Февральская революция. М.: Центрполиграф, 2006. 478 с.

REFERENCES

1. *Peregudova Z.I. Okhranka. Vospominaniya rukovoditeley politicheskogo syska* [The Secret Service. Memories of the leaders of political investigation]. V.1. Moscow, New Literary Review Publ., 2004. 512 p.
2. *Kurlov P.G. Gibel' imperatorskoy Rossii* [Death of Imperial Russia]. Moscow, Zakharov Publ., 2002. 301 p.
3. *Zavarzin P.P. Zhandarmy i revolyutsionery* [The police and the revolutionaries]. Paris, The publication of the author Publ., 1930. 256 p.
4. *Os'kin M.V. Prodovol'stvennaya politika Rossii nakanune Fevralya 1917 goda: poisk vykhoda iz krizisa* [Food policy of Russia on the eve of February 1917: finding a way out of the crisis]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history]. 2011, I. 3. P. 53–66.
5. *Globachev K.I. Pravda o russkoy revolyutsii: Vospominaniya byvshego nachal'nika Petrogradskogo okhrannogo otdeleniya* [The truth about the Russian Revolution: Memoirs of the former chief of the Petrograd Okhrana]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 519 p.
6. *Chernyaev Yu.V. Gibel' tsarskogo Petrograda: Fevral'skaya revolyutsiya glazami gradonachal'nika A.P. Balka* [The death of the king's Petrograd: February Revolution through the eyes of the mayor A.P. Balka]. *Russkoe proshloe* [Russian past]. Leningrad, Svelen Publ., 1991. P. 7–19.
7. *Katkov G.M. Fevral'skaya revolyutsiya* [The February revolution]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2006. 478 p.